

В. А. Апушкин

Мищенко

**Из воспоминаний о русско-
японской войне**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
В11

В11 **В. А. Апушкин**
Мищенко: Из воспоминаний о русско-японской войне / В. А. Апушкин – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 214 с.

ISBN 978-5-458-13347-0

Мищенко. Из воспоминаний о русско-японской войне. С рисунками. Издал
В. Березовский, комиссионер военно-учебных заведений.

ISBN 978-5-458-13347-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Вмѣсто введенія: По дорогѣ въ отрядъ.—Первыя впечатлѣнія . . .	5
Глава I. Боевая служба отряда. Отъ начала войны до переправы черезъ Ялу	18
„ II. Отъ Ялу до Сюяна.	38
„ III. Отъ Сюяна до Сахотана	58
„ IV. 10 іюня 1904 г.—Катастрофа въ Сяньдею	68
„ V. Первый день Сахотанскаго боя.	75
„ VI. На бивакѣ	89
„ VII. 11 іюня.—День отдыха	97
„ VIII. 12 іюня.—На бивакѣ у Мугуи.	109
„ IX. 13 іюня.—Второй день Сахотанскаго боя	121
„ X. 14 іюня.—Третій день Сахотанскаго боя	132
„ XI. 15 іюня.—Конецъ Сахотанскаго эпизода.	149
„ XII. Слава славнымъ.	159
„ XIII. Въ дни затишья на Шахэ	177
„ XIV. Кто онъ?	194

Минин

Родился в г. Спасском 6-го апр.

„Научная, теоретическая подготовка въ нашемъ военномъ дѣлѣ, конечно, много значитъ, но если нѣтъ желанія и стремленія драться, и драться, какъ бы ни пришлось, — цѣны не имѣетъ; ну, а со слабой подготовкой, но съ сердцемъ, преисполненнымъ жаждою схватки, съ душою, проникнутою чувствомъ долга, — сдѣлать можно много“...

Мищенко.

Я не имѣю въ виду писать ни біографіи генерала Мищенко, хотя она очень характерна для пониманія того, какъ умѣютъ у насъ разгадывать, понимать и оцѣнивать людей,—ни исторіи боевыхъ подвиговъ отряда, звавшагося его именемъ на театрѣ войны, за все время кампаніи... Для первой еще не настало время, для второй нужны документы, всей полнотой которыхъ я не обладаю. Я хочу здѣсь подѣлиться лишь воспоминаніями о томъ, чему я былъ очевидцемъ, о чемъ слышалъ непосредственно отъ участниковъ и что связано съ именемъ генерала, этого безспорнаго героя минувшей войны, вышедшаго съ незапятнанной репутаціей, съ непомянутой славой изъ тѣхъ тяжелыхъ испытаній, которыя столь обильно посыпала судьба его отряду и всей нашей арміи въ теченіе всей роковой для насъ войны съ Японіей. И я льщу себя надеждой, что въ нихъ читатель найдетъ ключъ къ разгадкѣ того обаянія, которымъ Мищенко пользовался въ арміи, и той популярности, которую онъ приобрѣлъ себѣ во всѣхъ слояхъ русскаго народа, ставъ воистину народнымъ героемъ. Я покажу его, какимъ видѣлъ въ дни войны,—и на боевомъ полѣ, и на бивакѣ.

Это одно изъ немногихъ свѣтлыхъ воспоминаній недавняго мрачнаго прошлаго.

И воспоминаній бодрящихъ, говорящихъ о томъ, что „есть еще порохъ въ нашихъ пороховницахъ“, не изжита еще боевая сила русскаго народа, не изсякла еще исконная доблесть русскаго солдата и офицера и что „плохи“ они были тамъ, гдѣ были плохи ихъ начальники...

В. А.

5 августа 1904 г.
20 апрѣля 1907 г.

Ляоянь—Спб.

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

По дорогѣ въ отрядъ.— Первые впечатлѣнія.

Я прибылъ къ арміи въ то время, когда система „терпѣнія“ начала уже входить въ свою силу и проявилась рядомъ кровавыхъ событій. Мы „стерпѣли“ уже *Тюренченъ*, „стерпѣли“ высадку на Квантунъ японскихъ армій и потерю Цзинь-чжоуской позиціи, отрѣзавшую насъ отъ Портъ-Артура, — „стерпѣли“, наконецъ, и *Вафангоу*, эту робкую, ученическую попытку наступленія, чтобы протянуть руку помощи осажденнымъ товарищамъ... И теперь мы терпѣливо ждали, что будетъ дальше дѣлать врагъ, отдавая въ его руки все болѣе и болѣе инициативу дѣйствій.

Для войскъ, вѣрившихъ еще въ своихъ вождей и въ свою силу и оскорбленныхъ въ своей старой славѣ отступленіемъ предъ маленькимъ врагомъ и рядомъ неудачъ, наступило томительное затишье...

Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
„Что жъ мы? На зимнія квартиры?
Не смѣютъ что ли командиры
Чужіе пзрвать мундиры
О русскіе штыки“?

О томъ, въ какомъ душевномъ напряженіи, усугубленномъ неизвѣстностью, откуда и когда ждать врага, жили въ то время наши войска, свидѣлствуетъ слѣдующій, еще кажется, не оглашенный, фактъ.

Въ началѣ мая подпоручикъ 21-го Восточно-Сибирскаго

стрѣлковаго полка Рѣзвый, „будучи увлеченъ идеей розыска японской арміи“, самовольно ушелъ ее разыскивать вмѣстѣ съ своимъ вѣстовымъ, Иваномъ Дубиновымъ, и — „пропалъ безъ вѣсти“ ¹⁾...

Жить въ ожиданіи боя въ Ляоянѣ, въ области слуховъ о противникѣ, будничныхъ сплетенъ и дразгъ, было томительно... Я пресытился ими въ Мукденѣ, гдѣ судьба заставила меня прожить почти двѣ недѣли... Хотѣлось скорѣе боевыхъ ощущеній, хотѣлось испытать себя, видѣть войска и подслушать біеніе ихъ сердца, чтобы знать, что сулитъ намъ грядущее. Хотѣлось, наконецъ, скорѣе увидѣть и врага, этого невѣдомаго, еще таинственнаго, маленькаго, но дерзкаго заморскаго пришельца.

Но куда ѣхать? Гдѣ можно скорѣе всего осуществить эти наивныя, горячія желанія новичка?

— Если хотите скорѣе увидѣть *войну* и получить боевое крещеніе, — отвѣчали мнѣ, — поѣзжайте въ отрядъ генерала Мищенко. Тамъ каждый день дерутся.

Отрядъ генерала Мищенко являлся, такимъ образомъ, уголкомъ той старой „Кульневской Россіи“, гдѣ люди вѣчно жили среди поэзіи и ужасовъ войны. Онъ былъ передовымъ отрядомъ цѣлой Руси въ дни ея „худого мира“ на Дальнемъ Востокѣ; на его долю пришелся первый выстрѣлъ въ Корей и, ставъ передовымъ отрядомъ манчжурской арміи, онъ оставался имъ до конца войны. И если на долю его выпала львиная доля трудовъ и лишеній, то и львиная доля славы.

Имя генерала Мищенко пользовалось въ арміи уже огромною популярностью. Его произносили съ уваженіемъ и любовью и не безъ гордости говорили: — „я былъ въ отрядѣ Мищенко“, „нашъ полкъ у Мищенко“.

Солдаты, тѣ въ каждомъ успѣхѣ готовы были видѣть руку этого храбраго и умно настойчиваго генерала. Позднѣе, на бивакѣ войскъ у Дашичао, я подслушалъ такой разговоръ.

¹⁾ Рапортъ командира полка отъ 9 мая 1904 г. № 1816.

Передавались новости, схваченные на лету, о потопленіи нашею владивостокскою эскадрою японскихъ транспортовъ „Садомару“ и другихъ. По солдатской молвѣ, и это сдѣлалъ Мищенко, который „нигдѣ японцу спуска не даетъ“ ¹⁾).

Конечно, я послушался добраго совѣта и первый свой визитъ рѣшилъ нанести ему. Къ тому же у меня находился и спутникъ, веселый и остроумный человѣкъ. Лѣтъ восемь или девять онъ былъ въ запасѣ, жилъ за границую, хозяйничалъ, служилъ и теперь, призванный въ ряды арміи, покидалъ все это легко и весело, мечтая объ одномъ — скорѣе попасть въ бой.

Но выбраться изъ Ляояна оказалось не такъ просто. Почтовый поѣздъ на югъ, съ которымъ мы рѣшили ѣхать, по расписанію долженъ былъ отойти около 5 часовъ дня. Прошелъ, однако, часть, другой, третій, четвертый, весь вечеръ, вся ночь, а поѣзда съ сѣвера все не было. Мы провели бессонную, мучительную ночь, слоняясь по тѣсному, грязному ляоянскому вокзалу. Нѣсколько усталыхъ офицеровъ вынесли стулья на перронъ, не имѣвшій для публики ни одной скамейки, и спали тамъ сидя. Мы попробовали было послѣдовать ихъ примѣру, но это намъ не удалось — сонъ не шелъ — и мы рѣшили пойти въ товарный вагонъ, гдѣ, готовые къ отправкѣ, стояли наши лошади. Но у лошадей не было сѣна, и намъ не на что было прилечь. Мы прикорнули на тормозной площадкѣ сосѣдняго товарнаго вагона, но не спали и четверти часа. Стукнулись буфера — и вагоны куда-то покатили. Это были, конечно, обычные маневры, которые принято здѣсь дѣлать по ночамъ, но мы вовсе не желали очутиться на десятомъ запасномъ пути. Соскочивъ торопливо съ площадки, мы опять поплелись на вокзалъ,

¹⁾ Впослѣдствіи, когда я передавалъ генералу содержаніе этого солдатскаго разговора, онъ разсказалъ мнѣ, что получилъ письмо отъ маленькаго своего племянника. — „Напиши, дорогой дядя, много ли вы взяли въ плѣнъ японскихъ кораблей“... спрашивалъ мальчуганъ, наслушавшійся и „во глубинѣ Россіи“ разсказовъ о подвигахъ дяди.

опять стали слоняться по его перрону, доказывая другъ другу, что „время — деньги“ только въ дни мира; опять стали требовать себѣ и не допивать стаканы безвкуснаго жидкаго чая и опять тревожить дежурнаго по станціи вопросами: „когда же мы уѣдемъ?!“

Это случилось только на другой день, въ *восемь* часовъ утра 9 іюня, и понятно, что едва мы попали въ вагонъ, какъ пыльные подушки дивана показались намъ обольстительно роскошными. Мы потянулись къ нимъ — и черезъ мигъ уснули. Спали часовъ пять и проснулись, когда нашъ поѣздъ подходилъ къ Дашичао.

Не знакомясь съ Дашичао, уже пріобрѣтавшимъ въ эти дни извѣстность и значеніе, какъ главная квартира дѣйствующей арміи, мы отправились отыскивать обозъ 1-го Читинскаго полка, чтобы узнать, есть ли тамъ „оказія“ въ отрядъ Мищенко и когда она пойдетъ.

Обозъ стоялъ на скатѣ высокой горы, у подножія которой лежитъ Дашичао; на вершинѣ ея былъ наблюдательный постъ и торчала сигнальная вѣха.

Подъ „обозомъ“ въ данномъ случаѣ не слѣдуетъ разумѣть повозокъ. Обозъ, это — пунктъ, замѣняющій полку штабъ-квартиру, гдѣ на время выхода полка въ лагерный сборъ или на маневры остается офицеръ съ командами слабосильныхъ и мастеровыхъ.

Такъ и тутъ. Въ палаткѣ жилъ офицеръ, и подъ его надзоръ собирались выписанные изъ госпиталей казаки и высланные изъ полка на отдыхъ слабосильные люди и лошади. Онъ исполнялъ разныя порученія полка — получалъ, закупалъ и отправлялъ въ полкъ все, что на долю полка приходилось и что ему было нужно.

„Обозъ“ напомнилъ мнѣ лермонтовскія строки изъ „Валерика“:

Кругомъ бѣлѣются палатки;
Казачьи тошія лошадки
Стоять рядкомъ, повѣся носъ...

Всюду груды ящиковъ и пачекъ прессованнаго сѣна. Казаки бродили по обозу, варили чай, спали, читали обрывки газетъ и справляли свои дѣлишки.

Хозяина обоза въ палаткѣ не было, но на землѣ, подотставъ подъ себя бурку, сладко спалъ другой офицеръ.— Урядникъ объяснилъ намъ, что именно это „ихъ благородіе“ что спитъ, и ѣдетъ въ полкъ сегодня. Это былъ полковой адъютантъ, подъесаулъ Иванъ Федоровичъ *Шильниковъ*.

Жалко было намъ его будить, но дѣлать нечего.— Казакъ потянулъ „его благородіе“ за ногу, и оно сейчасъ же открыло глаза. Мы извинились, представились, познакомились и черезъ минуту намъ уже казалось, что съ Иваномъ Федоровичемъ мы были вѣкъ знакомы.

Есть люди, до которыхъ поговорка о пудѣ соли не относится. Это хрустальной чистоты и искренности люди. Иванъ Федоровичъ Шильниковъ сразу показался намъ простымъ, искреннимъ человѣкомъ, деликатнымъ, хорошимъ товарищемъ, скромнымъ, но дѣльнымъ боевымъ офицеромъ—и мы не ошиблись, ничего не взяли потомъ назадъ изъ этой характеристики и ничего къ ней не прибавили, такъ какъ ничего другого и не слышали.

Явился и хозяинъ обоза, гостепріимный сотникъ *Измайловъ* и, сдѣлавъ Ивану Федоровичу дружескій упрекъ за то, что тотъ не воспользовался его койкою, а спалъ на землѣ,—сталъ готовить намъ чай въ черномъ отъ копоти большомъ мѣдномъ чайникѣ.

Напившись чаю и узнавъ въ штабѣ арміи, гдѣ въ данный моментъ можетъ находиться отрядъ, постоянно двигающійся, постоянно мѣняющій мѣста своихъ стоянокъ, мы стали готовиться въ путь и выступили въ шесть часовъ вечера.

Нашъ маленькій отрядецъ составляли: подъесаулъ И. Ф. Шильниковъ, корнетъ В. К. Шнеуръ, кадетъ хабаровскаго кадетскаго корпуса Миша Бодиско, бойкій, славный мальчуганъ, пріѣхавшій на каникулы въ армію къ отцу, чтобы „побывать на войнѣ“, и потому не разстававшійся съ большою и тяже-

лою для его лѣтъ пѣхотною винтовкою, которую онъ таскалъ на ремнѣ за плечомъ и которая набивала ему его хрупкія дѣтскія плечи,—я и шесть человѣкъ казаковъ.

Двое изъ нихъ высланы были впередъ, какъ дозорные и вожатые.

Мы шли не по дорогѣ, а напрямикъ, черезъ вспаханную и уже зазеленѣвшую равнину, къ высившимся впереди голубоватымъ горамъ.

Вечеръ былъ чудесный, тихій, теплый,—и Божій міръ былъ такъ хорошъ, что исчезало представленіе о войнѣ, и самому себѣ казалось страннымъ, что ѣдешь воевать, видѣть смерть другихъ и встрѣтить ее гдѣ-нибудь для себя.

Мы пересѣкали обширную долину, замкнутую съ двухъ сторонъ цѣпами горъ,—воздѣланную, зеленѣвшую, съ разбросанными тамъ и сямъ группами деревьевъ, отдѣльных фанзъ и селеній.

Тысячелѣтнимъ мирнымъ трудомъ вѣяло отъ этихъ полей, которыя теперь, по праву войны, безжалостно топтали наши кони. Длинный рядъ поколѣній хозяевъ этихъ полей утучнилъ ихъ почву своимъ потомъ при жизни и своимъ прахомъ по смерти. Объ этомъ молчаливо свидѣлствуютъ передъ нами небольшіе холмики-могилки, осѣненные листвою нѣсколькихъ деревьевъ, а тамъ, гдѣ холмъ осѣлъ—маленькіе каменные столбики и плиты.

Мнѣ нравится этотъ китайскій народный обычай: погребать человѣка въ той землѣ, которую онъ воздѣлывалъ при своей жизни,—отдать ей и по смерти всѣ свои соки, свою плоть и кровь. Онъ трогателенъ, этотъ обычай, онъ практиченъ, ибо создаетъ необычайную въ народѣ „крѣпость землѣ“—идеальное единеніе съ нею человѣка.

И вотъ мы добрались до горъ, втянулись въ лабиринтъ ихъ и кажется, что затеряемся въ немъ, въ этомъ хаосѣ голыхъ вершинъ, каменистыхъ глубокихъ ущелій и переваловъ, по которымъ узкой лентой вьется наша дорожка. На вершинѣ ихъ, въ благодарность ли чуждому намъ богу за